

1 место

[Михаил ЮДОВСКИЙ, Франкенталь \(Германия\). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"](#)

Брейгель

В непросторных, но жарко натопленных хижинах,
Где уютный огонь, подружившись с камином,
Процарапывал контур фигур обездвиженных
На расплывшемся сумраке нежным кармином,
И от скуки заигрывал с утварью кухонной,
И крахмальную скатерть поглаживал робко,
И бока щекотал котелку меднобрюхому,
Где, ворочаясь сонно, ворчала похлебка –
В этих хижинах всё, от краев подлокотника
До проема окна с неприкрытою ставней,
Ожидало, застыв, возвращенья охотника,
Что ушел за добычей. А, может быть, стал ей.

Времена осыпались, белели и снежили,

Восхвалялись землей, небесами радели
И казались куда благодатнее, нежели
В неприглядной жестокости были на деле,
Разоряли дотла непокорные вотчины,
Малевали свой лик на священных иконах
И по снегу прошлись отпечатками волчьими,
Расписавшись в не менее волчьих законах.

В молчаливом лесу, где январское зодчество
Обнажает борьбу между светом и тенью,
Понимаешь, насколько сродни одиночество
Осознанию, бесстрашию и благословенью.
Забываются те, для кого ты стараешься
И по снегу шагаешь с заточенной жердью,
Словно ею черту провести собираешься
Между собственной жизнью и чьею-то смертью.
Вечный голод и холод роднят тебя с городом
И на этой дороге, суровой и длинной,
То представишь лису на плаще твоём воротом,
То оленя тушенной в котле олениной.

Из-за дальних холмов надвигаются сумерки,
Проникая под сердце зимою и тьмою.
Возвращаться с пустою охотничьей сумкою
Всё равно что по свету скитаться с сумою.
Ты спускаешься долу, следами уродуя
Этот снежный покров, этот саван Господен,
Из пустынного мира с жестокой свободою
В обитаемый мир, где никто не свободен.
Поднимаются хижины бурыми пятнами
Валит дым из трубы с величавою спесью.

И неясно, под кровлю вернуться обратно ли
Или мимо пройти и шагнуть в поднебесье.

2 место

[Александр СПАРБЕР, Москва \(Россия\). "Другая жизнь"](#)

Уитмен

...И ребенок спросил: что такое трава?
взрослый или младенец, жива иль мертва?
Я ответил ему: я спешу, мы спешим,
наши души – в приборных панелях машин,

а тела наши жить успевают едва –
ну откуда мне знать, что такое трава?

...Говорят, что однажды, не знаю, когда –
разозлится на город большая вода,
и появятся женщины цвета воды,
на асфальте ночном оставляя следы,
и тогда – молодые, в летах, старики –
мы войдём в ледяные объятья реки.

По следам, по следам, выбиваясь из сил,
погружаясь до бёдер в коричневый ил,
будем молча брести много дней, много лет,
до тех пор, пока снова не выйдем на свет –
в том краю, где ни войн, ни болезней, ни ран,
в том краю, где впадает река - в океан.

и когда мы туда доползём, добредём –
то мы станем водой, и мы станем дождём,
превратимся в траву, но сперва, но сперва
наконец-то поймём, что такое трава.

3 место

[Геннадий АКИМОВ, Курск \(Россия\). "Вавилонская дорога"](#)

БЕГЛЕЦ

Офис, обломки, расколотые мониторы,
Размытый стремительный силуэт.
Он сидел здесь. Работал. Вёл какие-то переговоры.
И вот его нет.
У этих тихонь вечно проблемы со зрением,
В душе зреет что-то опасное, как ядовитый газ.
Когда такой человек становится бешеным зверем,
Все говорят: мы не думали, что он ненавидит нас.
Он перегрыз канаты и цепи, перекусил браслеты,
Заговорил все пули и пистолеты,
Разгромил свою клетку, выбежал в мир наудачу,
Не жалею – он бормотал – не зову, не плачу.
Луноходы стреляли, менты свистели,
Он послал всех нахрен, исчез - и баста!
Что ему Гекуба, в самом-то деле -
Он умел превращаться в сову и в барса,
Путал следы не хуже матёрого лиса,

Объявлялся то в Мексике, то в Сингапуре,
Был своим в борделях Зурбагана и Лисса ,
Получал всё новые шрамы на шкуре.
У него струна от банджо вместо удавки,
В склянке на поясе – обезьянья похоть,
А глаза ненасытны, как две пиявки:
Вцепятся, высосут - не успеешь охнуть.
Глупая, ты его ждёшь, думаешь, он вернётся,
Только этим мечтам никогда не сбыться:
Он вчера был с тобой, а сегодня летит на Солнце...
Видишь – горят мосты от Невы до Стикса!

*****

...за чертой, где уже не действуют никакие приметы,
он плывёт вниз лицом по накатанным водам Леты -
растерял по дороге все свои амулеты,
арбалеты и стрелы, денежные котлеты,
упованья на то, что вывезет, мол, кривая...
а вода его пощипывает, раздевает,
постепенно смывает одежду, волосы, кожу,
он плывёт, на радужное пятно похожий,
растворяется, тает, освобождает место...

только таким и бывает настоящее бегство.

4 место

[Дынкин Михаил, Ашдод \(Израиль\). "Три стихотворения"](#)

* * *

волновалась над кровлями осень
растекалась под пальцами кровь
просыпался Прекрасный Иосиф
в окружении тощих коров

потолок изучал равнодушно
под симфонию ржавых пружин
а в окне дирижаблевы туши
проплывали
и скверик кружил

неказистый такой, из бездомных
с голубятней на голом плече
и гонялся за сквериком дворник
осенённый метлой из лучей

фараон наклонялся над ними
хмурил лоб эбонитовый...
дул
Шу, в зарю погружая ступни, и
вверх тормашками в первом ряду

светотени ладоши сдвигали
так что сыпались листья с осин
золотыми сучили ногами
на траву опускались без сил

время, пятясь, из комнаты вышло
чиркал луч о сухую постель
замычал патриарх неподвижный
на полу меж коровьих костей

5 место

[ЛУКШТ Игорь, Москва \(Россия\). "Чарка на посох"](#)

Чарка на посох

Ушли, поклонившись младенцу, волхвы...
Густые снега заметают округу -
замёрзшее озеро, лодки, лачуги
и берег покатый с клоками травы.
Под хриплые вздохи студёного норда,
на землю нисходят крахмальные орды,
в утробах шурша облаков кочевых.
Печатью ложится холодный покров
на дранку бараков и золото храмов,
харчевни, жилища, кладбищенский мрамор,
на реки во льду и горбины мостов.
Прозрачна печаль, словно чарка на посох, -
всё сыплется сонно небесное просо,
мир светел, как лунь, отрешён и суров...
Испей свою чашу, калика, молчком,
нам с детства дарована тёплая доля -
петь гимны в тисках золочёной неволи
да оды слагать окровавленным ртом...
Но с нами дорога, и небо, и слово.
Но нищая муза к скитаньям готова -
кого же ты в хоженье славишь своим?

“Влекума любовью и болью, по ком

рыдает душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер –
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг полыхает, то запад дымится...
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...
С псалтырью и хлебом, нежданы никем,
под небом высоким угрюмой отчизны
по градам и весям, от детства до тризны,
поём ли, глаголем в негромкой строке
о Боге и свете! О льве златокудром...
Пусть будет язык наш, как снег, целомудрен,
как звёздная россыпь на Млечной реке”...

Смеркается рано, мой певческий брат.
Крещение. Крепчает январская стужа -
позёмка над вёрстами дальними кружит,
и путь непокойный метелью чреват.
Лишь белая чайка, в смятенье и хладе,
над нами поводит крылом в снегопаде,
и горние крохи ей клюв серебрят.

6 место

[ГРУВЕР Анна, Донецк \(Украина\). "Ничья"](#)

Умерла так умерла

Жили среди разбойников. Жалость теперь – зола.
Шили на вырост образы, жались под образа...
Жалости нет, любимый. Жалость давно умерла.
Я знаю – я видела. Сама ей закрыла глаза.

А как прошло дней девять – сватались женихи.
Пели свои частушки, читали чужие стихи.
Мне собирали приданое – целый сундук шелухи.
Спрятали шрамы под лентами, под пудрой – гнилые грехи.

Крестятся воры и шлюхи. Бог им давно послал.
Бьет сирота тревогу в мятый мусорный бак.
Видишь сорняк под забором? Так же и я росла.
Пыль поднимала свора лохматых бродячих собак,

мне они лизут ладони, тебе – прогрызут до кости.
«Слышали? Нет больше жалости! Нюрка теперь – одна».

Так я росла... и выросла. Некуда больше расти.
Мне остается падать, яме не вижу дна.

Тысячу две булавки сегодня воткнули в меня,
а свадьбу сыграем завтра – по нотам да по любви.
Платье пришлось не впору – принялись подгонять,
гадали мне на ромашках (но лепестки в крови).

Ах, сирота-сиротушка – ни жалости, ни отца,
ни колышка из осины, ни совести, ни двора.
И не отбросить саван, не отвернуть лица.
Прошное скроет фатою ноченька до утра.

И по делам воздастся – значит, тебя спасут.
Завтра меня под рученьки по полю поведут.

7 место

[Александр СПАРБЕР, Москва \(Россия\). "Другая жизнь"](#)

Другая жизнь

а ты все время шаришь в пустоте

...и дом не тот, и жители не те
а те, что были, сгинули куда-то

и бродишь ты по лестницам пустым
где только сизый сигаретный дым
остался... от кого?

обиты ватой
пороги, стены, двери...

но порой
мелькнёт в проёме кто-то дорогой,
до странности, до ужаса похожий –

и силишься позвать

но нем твой крик,
тяжёл неповоротливый язык –

и ты не можешь, ничего не можешь –

и... просыпаешься

и плачешь, и дрожишь

и приближается совсем другая жизнь
она стоит за вешалкой, в прихожей

глядишь в окно – а там гуляет дождь
идёт, идёт – и ты под ним идёшь

и ни окликнуть, ни позвать...

не можешь

8 место

[КАЛИНА Игорь, Киров \(Россия\). "Льняной тюль"](#)

По кличке Ночь

И почему то помню как щенком
неловким, бестолковым, безымянным
она пила под вечер молоко
размешивая алым языком
приречные тягучие туманы.

Как стоило мне выйти за порог
откуда ни возьмись бежал вприпрыжку,
спеша на неуклюжих четырёх,
густой землисто-чёрный холодок
кусать неосторожные лодыжки.

Покорно засыпала под рукой,
и только лапы дёргались тревожно
ведь досветла в подшёрстке у лугов
тьма-тьмущая коротких светляков
таилась на остях у самой кожи.

Ещё, дед склотил ей конуру
из досок основательно и крепко.
Я мирно засыпал повечеру
ведь темнота гуляла по двору
слегка звеня проржавленной цепкой.

А на поминках вывел за сарай,

да пару гильз извлёк из патронташа,
и заглушив её пугливый лай
хвалили голоса: - Стреляй. Стреляй.
Чего ей тут болтаться, одичавшей?

...

Пришла тайком, едва зрачок луны
слоистой затянулся поволокой
и капая росой из ран брюшных
ничуть в себе не чувствуя вины
взглянула в обезлюдевшие окна.

Меняя полустанок на вокзал
мне не спалось и слышалось, как будто
скользя по маслянистым спинам шпал
покорный зверь за именем бежал
сдирая в кровь подушечки об утро.

Я знаю до сих пор её хребет
мелькнёт то у крыльца то у колодца
подчас, когда обманный гаснет свет.
Надеется ночь-сука столько лет
на то, что возвращения дождётся.

9 место

[Ирина РЕМИЗОВА, Кишинев \(Молдова\). "Розы дольные"](#)

Сон млечный

На закате пугали пеструху:
на ветру распустив рукава,
пролетели у самого брюха,
не вспоров - процарапав едва.
Не упало ни капли молочной
в земляные сухие уста.
Намечталось ватрушек и сочней -
только печь горяча да пуста.

Померещилось - камушком плоским
ледяная играет вода.
Это просто поёт горихвостка
в потаённом углу у гнезда.
В конопле, в типчаке, в курослепе

увязая, в черешневый сад
пробираются ловчие степи
на копытцах сверчков и цикад.

За холмом, где улитками дачи
заплетаются в узел тугой,
встрепенулся бубенчик собачий
под непролитой млечной дугой,
распекая луну и чихвоща
в ширину, в долготу, в высоту:
спится крепче, короче и проще
без оладий на постном свету.

Невдомёк пустолайке муругой,
как ночной темноте вопреки
к одуванному лунному лугу
отовсюду летят мотыльки,
и такая истома слепая
подбирается к сердцу, что те,
кто годами не спал, засыпают
и доверчиво льнут к пустоте.

10 место

[АНИСТРАТЕНКО Ася, Санкт-Петербург \(Россия\). "То ли мы"](#)

ТО ЛИ МЫ

человек в человека приходит и мнетя в дверях
опасаясь ступить наследить наглупить облажаться
будь как дома любимый сначала ему говорят
это то от чего очень трудно потом удержаться
начинаешь действительно быть заводить огород
а потом удивляться чему-нибудь наоборот
а потом выходить и входить удивляясь все меньше
наконец за грудиной слипается конгломерат
и его не дано раскусить размочить разыграть
никакому самцу никакой из прекраснейших женщин

видишь девочку с нежным лицом и контентом цветка
это ангел которого можно качать на руках
можно взять ее в сердце вместить и запас остается
те кто любит ее односложный прямой аромат
принимают ее как лекарство от слез и ума
потому что она хороша и частенько смеется

то ли мы
в толстой шубе из запахов быта долгов
с обязательным списком простивших прощенных врагов
нас любить это видеть что мы видим что-то другое
в одеяле из дыма в халате китайских шелков
и не вывернуть шею чтоб тоже увидеть такое
видеть насморк отчаянье горечь усталость
любовь

видеть тоже опоры моста и тяжелую воду
видеть дверь нараспашку пугаться опять пронесло
нас любить это знать изначально и тему и коду
принимать для себя разрушение время и смерть
все равно что в трамвае лицом развернуться по ходу
и смотреть в лобовое стекло
и смотреть
и смотреть
как сигнал бело-лунный
вот-вот
обозначит свободу

